

1

Упав на колени, женщина склоняется над возлюбленным, и ее лицо, все ее тело цепенеет от ужаса, потому что на пальцах — кровь... Он лежит на спине, уронив руку на пол, и открытая ладонь будто бы просит, чтобы в нее что-то положили. Может, саму жизнь? Женщина касается его груди, умоляя встать, но время не ждет, и вот она уже тормозит его, неподвижного, словно всему виной лень, словно он лежебока, которого пушками не разбудишь...

Окровавленными пальцами женщина инстинктивно зажимает себе рот, чтобы не закричать, понимая — шуметь нельзя: никто не должен узнать, что она тут. Но страх побеждает, и вот, забыв об осторожности, она громко зовет возлюбленного по имени, снова и снова, и говорит себе, что он умер, и ропщет на судьбу...

Женщина смотрит на то место, которого только что касалась, и видит красные пятна. Ранки такие маленькие, откуда же столько крови? Она проводит чистой ладонью по окровавленным губам и пачкает ее. Теперь обе ее руки в крови, и женщина пугается еще больше, шепчет его имя... Конец, конец всему! Она опять зовет возлюбленного по имени, на этот раз громче, однако он уже не слышит ни ее, ни кого-либо еще в этом мире и не может ответить. Она наклоняется его поцеловать, потом трясет за плечи в тщетной попытке вернуть к жизни. Но нет, жизнь кончена, причем для них обоих.

Откуда-то слева доносится вопль предводителя бандитов, отнявших у нее любимого. Женщина порывисто прижимает

руку к груди и не может говорить от страха, только вскрикивает, как раненый зверь. Потом оглядывается и видит их. Слышит громкие возгласы. Слышит, но смысл сказанного ускользает от нее. Внезапно женщину охватывает ужас; она боится за себя: теперь, когда он умер, что эти негодяи с ней сделают?

Женщина вскакивает на ноги и бежит прочь, не оглядываясь. Ее возлюбленный мертв, всему пришел конец. Надежды, обещанья — все напрасно...

Солдаты, четверо слева и пятеро справа, выбегают на заваленную хламом замковую крышу, где было совершено убийство. Их предводитель что-то кричит, однако женщина уже ничего не слышит. Знает только, что надо бежать, но преследователи окружают ее. Она оглядывается и видит край крыши; других домов поблизости нет. Бежать некуда, укрыться негде.

Перед женщиной встает выбор, хотя, по сути, выбирать особо не из чего. Лучше уж смерть, чем все это — и только что случившееся, и то, что произойдет, когда ее схватят. Спотыкаясь, она бежит к низенькому парапету, с неожиданной грацией вскакивает на него, поворачивается лицом к преследователям. *O Scarpia, avanti a Dio!*¹ С этим криком она отворачивается от солдат и прыгает вниз...

Музыка на мгновение умолкает, а затем следует торжественный, громогласный финал. Зал довольно долго молчит — восхищенные зрители осознают, что они только что услышали и увидели. Такой *Тоски* не бывало здесь со времен Марии Каллас, то есть полстолетия. Тоска убила начальника полиции Скарпия, разве нет? А эти мерзавцы в мундирах застрелили ее возлюбленного. И Тоска прыгнула в Тибр... Божественно! Великолепная актерская игра, а голос певицы — выше всяких похвал! История вполне правдоподобная: и убийство, и эта импровизированная казнь, оказавшаяся на-

¹ О Скарпия! Нам Бог судья! (*итал.*)

стоящей, и финальный прыжок, когда женщина поняла, что все кончено и ей больше нечего терять. Хотя... Если задуматься — романтическая ерунда, гротеск, пародия на реальность. Но почему тогда зрители хлопают так, что рукам больно, и свистят, как заправские банши?

Чуть раздвинулся занавес, и Флавия Петрелли проскользнула в образовавшуюся узкую щель. На женщине было декорированное платье сочного красного цвета и тиара, чудом уцелевшая после падения в реку. Флавия обвела взглядом зрителей, и ее лицо выразило удивление, а потом и радость. «Мне? Эти овации — *мне?*» Певица улыбнулась, подняла руку — она волшебным образом уже очистилась от крови или того, что использовали для ее имитации, — и прижала ее к сердцу, словно оно вот-вот выскочит из груди посреди всего этого оживления.

Потом, будто желая обнять всех присутствующих, Флавия отвела в сторону сначала одну руку, потом другую, полностью раскрываясь перед шквалом аплодисментов. Мгновение — и она снова прижала ладони к груди, грациозно сгибаясь в глубоком поклоне. Аплодисменты стали сильнее, и зрители, мужчины и женщины, стали выкрикивать *Brava!*, а некоторые, слепцы или иностранцы, — *Bravo!*¹ Флавию эта оплошность, похоже, нисколько не задевала — лишь бы крики не стихали. Еще один поклон, и она вся подалась вперед, словно купаясь в водопаде оваций.

И вот к ее ногам упала первая роза, на длинном стебле, желтая, как солнце. Флавия инстинктивно отпрянула, словно боясь повредить ее (или, наоборот, как будто от цветка исходила опасность), но потом наклонилась, чтобы поднять розу, — так медленно, что это движение показалось неестественным, нарочитым. Певица обеими руками прижала

---

¹ Bravo итальянцы говорят только мужчинам. Если хотят похвалить женщину, произносят brava. (*Примеч. ред.*)

розу к груди, потом опустила глаза и ее улыбающиеся губы дрогнули. «Неужели все это — мне? Мне?» Мгновение — и ее лицо, которое она подняла, чтобы взглянуть на верхний ярус балконов, уже излучало удовольствие.

Аудитория моментально отреагировала, и на сцену стали падать розы: сначала две, потом еще три прилетели откуда-то справа; затем они посыпались дождем, и скоро у ног певицы лежали сотни цветов; она стала похожа на Жанну д'Арк, обложенную по щиколотки не хворостом, а розами.

Флавия улыбкой встретила гром аплодисментов, еще раз поклонилась, отступила от барьера из роз и скрылась за занавесом. Несколько секунд — и она снова появилась, на этот раз ведя за руку своего возлюбленного, восставшего из мертвых. Как и крики приспешников Скарпия в последнем акте, аплодисменты при появлении Каварадосси усилились, перерастая в шквал, как это часто бывает, когда на поклон выходит молодой тенор, взявший все высокие ноты, причем блестяще. Оба артиста с тревогой поглядывали под ноги, стараясь не наступать на ковер из цветов, но вскоре перестали обращать на это внимание.

Инстинктивно отвечая на изменившуюся тональность, свидетельствовавшую о том, что аплодисменты предназначены уже ее партнеру, Флавия сделала шаг назад, высоко подняла руки и стала хлопать вместе со зрителями. Когда овации начали стихать, она вернулась к тенору, взяла его за руку и, на мгновение прильнув к нему, торопливо коснулась губами его щеки — дружеский поцелуй, каким мы одариваем брата или доброжелательного коллегу. Тенор в свою очередь схватил руку Флавии и высоко поднял ее, словно объявляя победителя соревнований.

Артист сделал шаг назад, уступая место партнерше и топчась ногами все новые розы. Флавия мягко отстранилась и снова исчезла между полотнищами занавеса; тенор последовал за ней. Тут на сцену вышел воскресший Скарпия в испачканном красным парчовом камзоле и сразу же шаг-

нул вправо, где цветов было поменьше. Он поклонился, потом еще и еще, в знак благодарности прижимая руки к груди, после чего вернулся к щели в занавесе, заглянул туда и вывел вперед Флавию и молодого тенора, которые по-прежнему держались за руки. Скарпия повел этот хоровод внезапно воскресших персонажей направо, прямо по цветам. Флавия то и дело задевала их краем платья, и розы разлетались в стороны. Вскинув над головами соединенные руки, певцы синхронно поклонились, сияющими улыбками демонстрируя аудитории удовольствие и благодарность за столь высокую оценку.

Флавия высвободила обе руки и снова ушла за занавес, чтобы на этот раз вывести на поклон дирижера. Он был моложе своих коллег по сцене, но также отличался завидным самообладанием. Дирижер зашагал вперед, по цветам, словно вовсе не замечая их, и обвел взглядом зрительный зал. Улыбнулся, отвесил поклон, и по его знаку оркестранты встали со своих мест, дабы принять свою долю аплодисментов. Дирижер поклонился еще раз, вернулся к актерам и встал между Флавией и тенором. Вчетвером они шагнули к рампе и поклонились — и еще раз, — все так же демонстрируя публике признательность и радость. Аплодисменты стали чуточку тише, и Флавия, уловив этот миг, жизнерадостно помахала рукой, словно собираясь сесть на корабль или поезд, и повела своих коллег-мужчин за кулисы. Зрители хлопали все слабее, и когда стало ясно, что певцы больше не выйдут, аплодисменты постепенно сошли на нет. Только одинокий мужской голос выкрикнул с балкона: *Evviva Flavia!*¹ — восклицание, на которое остальная публика отреагировала бешеными рукоплесканиями. После этого стало тихо, слышались лишь приглушенные разговоры и невнятный шум зрителей, медленно продвигавшихся к выходу.

---

¹ Да здравствует Флавия! (*итал.*)

2

За кулисами можно было уже не притворяться. Флавия молча повернулась и пошла к гримерным. Трое мужчин так и остались стоять. Тенор смотрел ей вслед с тем же выражением, какое было на лице у Каварадосси, когда он думал, что лучше умереть, чем навсегда лишиться возлюбленной: *Oh! dolci baci, o languide carezze!*¹ Баритон, исполнитель роли Скарпия, уже вынул *телефонíно*², чтобы позвонить жене и сказать, что через двадцать минут будет в ресторане. Дирижер, которого интересовало лишь то, чтобы Флавия выдерживала нужный темп и хорошо пела, молча кивнул и направился к себе.

Идя по коридору, Флавия зацепилась каблуком за подол своего алого платья и упала бы, если бы не ухватилась за помощницу костюмера. Девушка оказалась на удивление сильной и сообразительной: моментально схватила певицу в объятия и, несмотря на ее вес и силу толчка, смогла удержаться на ногах.

Едва восстановив равновесие, Флавия высвободилась и спросила у нее:

— Вы в порядке?

— Ничего страшного, синьора, — ответила девушка, потирая ноющее плечо.

Флавия коснулась ее руки.

— Спасибо, что не дали мне упасть, — сказала она.

— Сама не знаю, как это случилось. Я просто подхватила вас. — И после недолгой паузы девушка добавила: — Одного падения за вечер вполне достаточно, верно?

Певица кивнула, еще раз поблагодарила ее и пошла дальше. Подойдя к гримерной, Флавия взялась за дверную ручку

¹ Объятия, страстные лобзанья! (*итал.*) — строки из романа, исполняемого Каварадосси в третьем акте «Тоски».

² Мобильный телефон (*итал., разг.*).

ку и замерла. Женщина слегка подрагивала — запоздалая реакция на падение плюс привычный всплеск адреналина после выступления. Чувствуя легкое головокружение, Флавия свободной рукой взялась за дверной косяк и закрыла глаза. Прошла минута, другая... Наконец голоса в глубине коридора заставили ее собраться с силами, открыть дверь в примерную и войти.

Розы, розы, розы... Они были повсюду. Флавия задохнулась от изумления. Столы были заставлены вазами, в каждой — не меньше дюжины цветов. Певица вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Немного постояла, разглядывая это желтое море. Ощущение смутной тревоги усилилось, стоило Флавии заметить, что вазы — не привычный ширпотреб, который держат в театрах специально для таких вот целей, со сколами, часто испачканный краской. Иногда вазы приносили даже из реквизитной, и, судя по виду, там их использовали для других, менее эстетичных целей.

— *Oddio*¹, — пробормотала Флавия, возвращаясь в коридор, благо дверь была открыта.

Слева стояла ее костюмерша — темноволосая женщина, годящаяся в матери девчужке-ассистентке, которая уберегла певицу от падения. Как обычно, она пришла после представления, чтобы забрать сценический костюм и парик и отнести все это в костюмерную.

— Марина, — обратилась к ней Флавия, — вы не видели, кто принес эти цветы?

Певица махнула рукой в сторону комнаты и отступила, пропуская костюмершу внутрь.

— *Oh, che belle!*² — воскликнула Марина при виде цветов. — И стояли они, наверное, немало.

Тут она тоже обратила внимание на вазы и спросила:

— А это откуда?

¹ О боже! (*итал.*)

² Здесь: о, какая красота! (*итал.*)

— Разве эти вазы не из театра?

Костюмерша покачала головой.

— Нет. Откуда бы им тут взяться? Это же настоящее муранское стекло! — Видя недоумение Флавии, она указала на высокую вазу, прозрачные полосы на которой перемежались цветными. — Вон та — точно «Венини»¹. Мой Лучо когда-то работал у них, поэтому я знаю, как выглядит их продукция.

— Не понимаю, — проговорила Флавия, удивляясь про себя тому, как внезапно изменилась тема разговора. Она повернулась к Марине спиной и попросила: — Можете расстегнуть змейку?

Певица подняла руки, и костюмерша помогла ей сначала разуться, а потом и снять сценический костюм. Сдернув со спинки стула халатик, Флавия накинула его на себя, села перед зеркалом и почти машинально стала стирать толстый слой грима. Марина повесила платье на дверь и встала у певицы за спиной, чтобы помочь ей избавиться от парика. Просунув под него пальцы, костюмерша сняла парик, а следом за ним и туго сидящую резиновую шапочку. Флавия тут же запустила пальцы в волосы и минуту, не меньше, растирала кожу головы, вздыхая от облегчения и удовольствия.

— Все артисты говорят, что парики — это самое ужасное, — сказала Марина. — Не представляю, как вы это терпите!

Флавия еще несколько раз провела растопыренными пальцами по волосам, зная, что в жарко натопленной комнате они быстро высохнут. Она носила короткую стрижку, «под мальчика», — одна из причин, по которой ее так редко узнавали на улицах. Читатели привыкли видеть Флавию на сцене длинноволосой красавицей, а тут — женщина с шапкой коротких кудрей, в которых кое-где блестит се-

---

¹ Итальянская стекольная фабрика, производящая продукцию класса люкс.

дина... Чтобы волосы поскорее высохли, певица еще энергичнее потерла кожу головы, наслаждаясь тем, что ее ничего не сдавливает.

Зазвонил телефон. Она с легким недовольством взяла трубку:

— Флавия Петрелли слушает!

— Синьора, не могли бы вы уточнить, как скоро вы выйдете? — спросил мужской голос.

— Через пять минут!

Флавия всегда так отвечала, независимо от того, стояла ли уже на пороге или собиралась провести в костюмерной еще полчаса. Подождут!

— Дарио, кто принес цветы? — спросила певица, прежде чем мужчина успел нажать на отбой.

— Их привезли на лодке.

Гм... Это Венеция, и иной способ доставки был маловероятен, поэтому Флавия поинтересовалась только:

— Известно, кто их прислал? Чья это была лодка?

— Понятия не имею, синьора! Двое мужчин доставили цветы к входу. — И после краткого раздумья Дарио добавил: — Лодки я не видел.

— Они не называли каких-нибудь имен?

— Нет, синьора. Я подумал... если роз так много, вы наверняка знаете, от кого они.

Оставив последнюю реплику без ответа, Флавия повторила: «Еще пять минут!» — и повесила трубку. Марина уже ушла, забрав с собой парик и платье. Флавия осталась сидеть в тишине и одиночестве гримерной.

Посмотрев в зеркало на свое отражение, она схватила сразу несколько салфеток. Певица терла лицо до тех пор, пока с него не сошел почти весь грим. Потом вспомнила, что у выхода ее ждут, подкрасила ресницы и положила под глаза немного консилера, чтобы скрыть следы усталости. Выбрала из множества помад на столике одну и аккуратно накрасила губы. На Флавию накатила волна усталости, и женщина

смежила веки, ожидая, когда прихлынет адреналин и она почувствует себя лучше. Вскоре певица открыла глаза, посмотрела, что лежит на столике, достала из ящика хлопчатобумажную сумку и смахнула туда свои вещи: косметику, гребешок, щетку для волос, носовой платок. С некоторых пор Флавия перестала брать с собой на работу мало-мальски ценные предметы — и не важно, о каком театре шла речь. В Ковент-Гардене у нее однажды украли пальто; в Опере Гарнье — записную книжку. Причем из сумочки, которую она оставила в ящике стола, больше ничего не пропало. Ну кому могла понадобиться ее личная записная книжка? В ней же сам черт не разберется! За долгие годы там накопилось множество пометок — с исправлениями, зачеркиваниями и сокращениями: неоднократно переписанные имена, телефонные номера, адреса — городские и электронные, — позволявшие оставаться на связи с другими представителями этого своеобразного профессионального мирка, не имеющего четких географических границ. Хорошо, что почти все эти данные хранились также и в электронном виде, но на то, чтобы восстановить утерянное, ушли недели. Так и не подобрав новой записной книжки по вкусу, Флавия решила довериться компьютеру. Оставалось молиться, чтобы система не дала сбой, чтобы в нее не пробрался какой-нибудь вирус и не уничтожил все это.

Сегодня всего лишь третье представление сезона, так что поклонники наверняка ее ждут... Флавия надела черные капроновые колготки, юбку и свитер, в которых пришла в театр. Обулась, достала из платяного шкафа пальто, повязала на шею шерстяной шарф — того же оттенка, что и ее сегодняшней сценический костюм. В разговоре Флавия частенько в шутку называла свои шарфы хиджабами, потому что не выходила без них из дому.

У двери певица задержалась и еще раз окинула гримерку взглядом. «Это ли успех, о котором я так мечтала?» — подумалось ей. Маленькая безликая комнатуха, которой месяца

пользуется один исполнитель, месяц — другой; специальное зеркало с множеством ламп по периметру (совсем как в кино!); голый пол; маленькая ванная с душем и умывальником. Предполагается, что если тебе готовы это предоставить, то ты звезда... И раз у нее есть все это, вывод напрашивался сам собой. Но звездой Флавия себя не ощущала. Скорее женщиной слегка за сорок (как ни досадно это сознавать!), которая ужасно устала после почти трехчасовой изматывающей работы и которой теперь надо идти и улыбаться толпе незнакомцев, жаждущих с ней пообщаться, подружиться, поговорить по душам или даже — она ничему не удивится! — навязаться ей в любовники.

А чего хочет она сама? Просто пойти в ресторан, что-нибудь съесть и выпить, потом вернуться домой, позвонить детям, узнать, как у них дела, пожелать им спокойной ночи, а когда весь этот стресс, связанный с сегодняшним спектаклем, пойдет на убыль, а сама она начнет возвращаться к нормальной жизни, — лечь в кровать и очень-очень постараться уснуть. После выступлений с коллегами, с которыми Флавию связывали давнее знакомство и симпатия, они обычно отправлялись ужинать, и она с нетерпением ждала этих посиделок в ресторане, с шутками и анекдотами об импресарио, менеджерах и театральными директорами. Приятно находиться в обществе людей, вместе с которыми вы только что пережили это чудо — рождение прекрасной музыки... Но тут, в Венеции, где Флавия провела столько времени и должна была бы уже иметь больше знакомых, ей не хотелось общаться с коллегами. Баритон только и говорит что о своей славе, дирижер терпеть Флавию не может и с трудом это скрывает, а тенор, кажется, влюбился в нее, несмотря на то — и певица ничуть не кривила душой, говоря себе это! — что она не давала ему никакого повода. Он всего лишь на десять лет старше ее сына и слишком неопытен, чтобы ее заинтересовать.

Флавия встrepенулась. За размышлениями она совсем забыла о цветах. И о вазах. Интересно, человек, который при-

слал их, сейчас тоже в холле? Может, стоит показаться на публике хотя бы с одним букетом? «Все — к черту!» — сказала Флавия своему отражению, и оно покладисто кивнуло, соглашаясь.

Это началось два месяца назад, в Лондоне. «Свадьба Фигаро», последний спектакль... Когда Флавия впервые вышла на поклон, из зала дождем полетели желтые розы. Позднее, уже в Санкт-Петербурге, после сольного концерта сцена также была усыпана ими, но было много и других цветов. Особенно Флавии нравилось, когда зрители (преимущественно дамы), следуя русской театральной традиции, подходили к сцене и протягивали ей букеты. Приятно видеть глаза человека, который одаривает тебя цветами или говорит что-то лестное. Есть в этом нечто... душевное.

И вот теперь Венеция... Во время премьеры Флавию осыпали ливнем желтых роз, но после представления, в примерной, не было ни одного цветочка. В отличие от сегодняшнего вечера. Ни имени, ни записки, ничего, что объясняло бы столь щедрое подношение.

Флавия нарочно тянула время. Ей не хотелось решать, что делать с цветами, не хотелось подписывать программки и перебрасываться вежливыми, ничего не значащими фразами ни с незнакомыми людьми, ни с постоянными поклонниками, которые часто бывают на ее спектаклях и вследствие этого считают себя чуть ли не ее приятелями.

Она забросила сумку на плечо, еще раз провела рукой по волосам — совсем сухие. Флавия вышла из примерной и в конце коридора увидела костюмершу.

— Марина! — позвала ее певица.

— *Sì, Signora!*¹ — ответила женщина и направилась к ней.

— Если хотите, заберите эти розы домой! И другим костюмерам передайте: пусть возьмут, кто хочет.

---

¹ Да, синьора! (*итал.*)

Марина помедлила с ответом, чем удивила Флавию. Разве итальянские женщины так уж часто получают охапки роз? Однако затем лицо костюмерши озарилось искренним удовольствием.

— Синьора, как это мило с вашей стороны! Но разве вы не возьмете хотя бы часть цветов?

И она махнула в сторону комнаты, где были сотни роз, каждая — словно маленькое яркое солнце.

На Флавию это предложение не произвело впечатления.

— Нет. Забирайте все!

— А вазы? — спросила Марина. — Не знаю, можно ли оставлять их без присмотра...

— Они не мои. Так что можете взять и их, если они вам нравятся, — ответила Флавия, мимоходом касаясь ее руки. И уже мягче добавила: — «Венини» возьмите обязательно, договорились?

И певица направилась к лифту. Внизу ее ждали поклонники.

3

Флавия понимала, что на переодевание у нее ушло много времени. Может, хотя бы некоторым ее поклонникам надоело ждать и они ушли? Она устала и проголодалась: пять часов в переполненном театре, среди людей — за кулисами и на сцене, не говоря уже о публике, — и теперь ей хотелось поужинать в каком-нибудь тихом ресторанчике и наконец-то остаться наедине с собой.

Выйдя из лифта, певица зашагала по длинному коридору, который вел к камерке капельдинера. Там же, в небольшом холле, Флавию обычно поджидали благодарные зрители. Когда ей оставалось пройти еще метров десять, вдруг грянули аплодисменты, и она изобразила свою самую счастливую улыбку — ту, которую нарочно приберегала для поклонников. Людей было много, и Флавия обрадовалась тому, что хотя бы